

Анатолий Можаровский

Ноль и стая

Київ
2013

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.

Ноль и стая. *Поэзии*. — К.: ВПЦ «Київський університет»,
М75 2013. — 320 с.

ISBN

В новой книге Анатолий Можаровский пишет о взаимонепонимании, об абсурде бытия нынешнего времени, о трагическом одиночестве человека. Его поэзия удивительно созвучна с творчеством великого итальянского кинорежиссера Федерико Феллини.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Ответственный редактор
Михайло МАЛЮК

В оформлении книги использованы фотоработы
Михайла МАЛЮКА

ISBN

© Можаровский А.И., 2013.
© Малюк М.М. предисловие, 2013.
© Урбанская С.Г., художественное оформление, 2013.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА

В конце нынешней весны в Украине случились два события, которые как нельзя ярче определили отношение современного общества к книге. Первое: парламентские слушания о проблемах украинского книгоиздания продемонстрировали полнейшее пренебрежение высшей законодательной властью этой важнейшей составляющей культуры — на слушания явились полтора десятка депутатов! Для остальных вопрос, понятное дело, не интересен — бабла тут не срубишь. Да и что им какие-то книги? Чтение никогда не было для них жизненной потребностью, даже и в школьные годы. Второе: вскоре после провальных парламентских слушаний в Киеве прошел довольно громко рекламируемый III Международный Фестиваль “Книжный Арсенал”, который подтвердил абсолютную невостребованность книги и среднестатистическим украинцем. На первый взгляд всё вроде бы гладко и красиво: красочные стены десятков украинских издательств, зарубежные гости, встречи с авторами, презентации книг. Но мало кто из участников за десять дней фестиваля смог реализовать книг на сумму, которая бы перекрыла затраты на аренду места. Все разговоры о том, что, мол, фестиваль не ярмарок, а место деловых и творческих встреч литераторов и издателей, возможность заключить международные контракты на переводы — всего лишь иллюзия и успокоительный самообман: все наши редкие книжные ярмарки и фестивали не что иное, как единственная возможность издательствам продать свою продукцию — и только. Книжных магазинов в Украине практически нет, а те, что сохранились в больших городах, украинскую книгу берут весьма и весьма неохотно. Тысячный тираж любой, кроме, конечно, учебной книги, реализуется у нас десятилетиями... Но почему-то об этом не говорят открыто даже те, кто должен быть кровно заинтересован в функционировании полноценного книжного

рынка, — профессиональные литераторы во главе со своим Союзом писателей. Вернее, наиболее бойкие из них, подсев на гранты различных международных фондов, интенсивно продвигающих в Украину неолиберальные идеи и эрзацы субкульты, взахлёб вещают о прелестях рынка и своей якобы востребованности, покупаемости их гениальных опусов. О книгах, бывает, тоже говорят, но с такой знатете ли снисходительностью: книги, мол, хорошо, но на бумажных носителях они — вчерашний день; будущее за интернетом, электронной книгой; не надо паниковать и кручиниться, что всё меньше книг печатается и традиционные журналы литературные закрываются, всё нормально, прогресс не остановить. Мне вот всегда было интересно: неужели они, постоянно мотаясь по заграницам, не замечают на тамошних улицах потрясающего изобилия книжных магазинов и не обращают внимания на миллионные тиражи продаваемой там художественной литературы? И это при том, что количество компьютеров на душу населения, примером во Франции, намного больше чем в Украине, несравнимо доступнее и сеть интернета. Поневоле задумаешься: а кому это выгодно? О каком таком прогрессе тараторят наши уж больно “европеизированные” деятели от литературы, к месту и не к месту подчёркивая свою оппозиционность к властям? Да какая там оппозиционность! Они верно служат нынешним властямущим, (а многие не менее преданно служили и предыдущим), помогая превратить народ в дойных коров, в стада принявших человеческий облик овец, ибо всех малость думающих они считают опасными. В своё время возникновение книгопечатания радикально изменило условия распространения культуры, породив читателя. Насаждаемые ныне технологии распространения культуры, вернее субкультуры, убивают читателя, возвращают человека в эпоху раннего средневековья, когда в большинстве своем неграмотные массы удовлетворяли свои культурные потребности балаганными зрелищами. То же и сегодня. Везде балаган. На экранах телевизоров, на страницах глянцевого журналов, на волнах FM станций, на ми-

тингах разношерстных партий, да собственно и в залах Верховной Рады и Кабинета Министров. И везде одни и те же лица: “успешные” политики, бизнесмены, футболисты, артисты, писатели; пиарят во всю себя, родных, бахвалятся дорогими костюмами, роскошными автомобилями и дачами, и время от времени разгоняют сумерки Европы миллионными кутежами по тамошним ресторанам. А глядя на них и народ соблазняется прелестями “красивой жизни”, и, хотя внешне поругивает правительство, депутатов, банкиров и бизнесменов, в душе крепко завидует им и всячески старается подражать, исхитряясь доворовать недоворованное, влезая в непосильные кредиты дабы и себе щегольнуть перед соседом иномаркой или евродачкой, отдыхом на престижных заграницных курортах; покупает за непомерные деньги образование (дипломы) детишкам, мечтая пристроить их на “тёплое” чиновничье местечко — кресло чиновника стало новым алтарём, мир сузился, сжался, чтобы поместиться в ладони, привыкшей отсчитывать не мелкую монету, а тугие пачки долларов. Понятно, что в этих координатах ценностей нет места книге, и весьма уместно говорить о её гибели и всячески способствовать тому, чтобы она окончательно исчезла как источник смуты и вольнодумия. Похожая ситуация описана в фантастическом рассказе Клиффорда Саймака “Поколение, достигшее цели”: некий космический Корабль уже много веков летит в определенную точку Вселенной. Управление и жизнеобеспечение Корабля автоматическое, не требующее участия человека. Экипаж Корабля, несколько сот человек, живёт по раз и навсегда уложенным правилам, здесь все регламентировано, каждый выполняет свою, четко определенную функцию, готовится к этому с детства; определено даже кто на ком женится и когда может завести ребенка — только после смерти конкретного человека. На Корабле запрещены книги, запрещено обучаться грамоте; все необходимые знания люди получают из громкоговорителя, как и ежедневное задание. Все счастливы, недовольных и бунтарей нет. О книгах они знают только из преданий, мол, когда-то дав-

ным-давно были книги, но их уничтожили, ибо они несли гибель. Но есть на Корабле семья, в которой отец, согласно родовому преданию, должен тайно обучить сына грамоте и перед смертью передать ему запечатанный конверт, который он или его сын, а то и правнук, должен будет открыть в Конце пути, о котором тоже смутно говорит предание, чтобы спасти обитателей Корабля. Главному герою суждено стать тем спасителем. Корабль достиг нужной точки, срабатывает автоматика и начинается заход на орбиту. Вдруг всё меняется, ломается привычное течение жизни, на Корабле возникает паника, все обреченно ждут гибели. И спасение, оказывается, именно в книгах, спрятанных на Корабле; отыскать их помогает то заветное письмо. Книги дают знания, необходимые для успешной посадки Корабля и создания нового общества на вновь приобретенной планете. Миссия выполнена. Книги вновь разрешены. Они помогают вывести людей из полуавтоматического состояния, даруя свободу думания, оценки, возвращая каждому индивидуальность и право выбора между добром и злом. Это пугает и не сразу принимается, люди отказываются покидать Корабль, начинается бунт, но и он был предусмотрен создателями Корабля — угрожая отравляющими газами Корабль изгоняет своих обитателей...

Нынешняя жизнь в Украине почти как на том Корабле из рассказа К.Саймака с той только разницей, что там обезличивание человека, превращение его в послушное орудие, в пресловутый винтик корабля-общества было рассчитано и запрограммировано с целью спасения человечества: переселение на другую планету занимало слишком много времени — жизнь десятков поколений — и, учитывая трагический опыт земной истории войн и революций, подъемов и падений государств, у избранных для миссии переселенцев были отобраны книги, научное знание заменено мифами, приостановлено и законсервировано общественное и культурное развитие; это своеобразное толкование библейского сказания о выходе евреев из египетского рабства — что-

бы выжить человек должен оставить не только грехи, но и добродетели, стать стерильным.

Мы тоже как бы выходим из рабства тотальной коммунистической идеи, — по времени уже половину библейского исхода в пути, — но почему-то не становимся лучше, да и наши Моисеи, видать, не знают куда нас вести, ибо заняты в основном обустройством прихваченных по ходу поместий, а глядя на них и мы потихоньку поворачиваем, заражаемся алчностью и завистью, дичаем, забыв о Боге и неизбежности возмездия за растрату жизни. Охотно принимаем навязываемые нам либеральные идеи, не понимая, что это не что иное, как последовательные стадии разрушения человеческого сознания, утраты духовных идеалов, постепенной деморализации, а так называемые законы свободного рынка, попирающие честный труд, угрожают существованию самой культуры. Но вот явился поэт, призванный отрезвить и вразумить нас, не желающий изображать дело так, что всё прекрасно, не желающий бежать от правды в какой-нибудь вымышленный мир. В каждой новой книге Анатолий Можаровский показывает ужас существования в нынешнем мире, где насилие, откровенный бандитизм стали обыденностью, а жизнь каждого человека опутана паутиной нечистых дедаческих интересов. Но мы не спешим прислушаться к его словам, продолжая творить беззакония: понимая грех, — грешить, говоря о Боге, — с упоеанием служить сатане.

И что бы не говорили о смерти книги, а равно как и литературы — книга и литература, если они настоящие, могут многое. “Один день Ивана Денисовича” пошатнул, казалась бы, незыблемую громаду коммунистической системы, а “Архипелаг ГУЛАГ” окончательно свалил её. Жестокая правда книг Анатолия Можаровского — мощнейший удар в основание нынешнего, не менее злобного и жестокого монстра, ошетинившегося на мир с развалин своего предшественника — СССР. В поэзии Анатолия Можаровского отображены как в зеркале все мерзости нынешнего времени: массовые нарушения законности, всевластие государствен-

ного аппарата, дичайший тоталитаризм, тусклая жизнь множества украинцев под властью неполноценного руководства, жутчайшее бесправие большинства людей.

Анатолий Можаровский пишет о взаимонепонимании, об абсурде бытия, о трагическом одиночестве человека. Его поэзия удивительно созвучна с творчеством великого итальянского кинорежиссера Федерико Феллини, который также глубоко разрабатывал эту тему: “Наша беда, несчастье современных людей — одиночество. Его корни очень глубоки, восходят к самым истокам бытия, и никакое опьянение общественными интересами, никакая политическая симфония не способны их с лёгкостью вырвать. Однако, по моему мнению, существует способ преодолеть это одиночество; он заключается в том, чтобы передать “послание” от одного изолированного в своем одиночестве человека к другому и таким образом осознать, раскрыть глубокую связь между человеческим индивидуумом и другим”. Поэтические послания Анатолия Можаровского выполняют свою духовную работу, вибрация боли, заложенной в них, бьет читателя, как штормовая волна берег, смывая мусор показных добродетелей, оголяя душу, изъязвленную грехами — потрясение сродни отчаянью! Так написать мог только человек сам переживший подобное состояние: человек — боль человечества, ибо не осознав глубины мировой боли и отчаяния, нельзя постичь человека. Отчаяние, страдание, боль — неотъемлемые составляющие жизни. Боль, страдание, отчаяние — вот ступени развития духа. Нельзя быть гуманным, не страдая. Нельзя стать лучше, не осознав и не ужаснувшись мерзости человеческой. Нельзя понять жизнь, не пережив боли. Суть жизни — в страдании.

Анатолий Можаровский — мастер передачи всей гаммы движений души, ибо для него передать реальность — значит передать мир чувств и настроений, глубину переживаний человека, но при этом он, оставаясь глубоко верующим человеком впитавшим тысячелетний опыт христианской культуры, даже описывая безысходность нынешнего бытия, никогда не позволяет себе и читателю отчаяться, ибо нет

более страшного греха, чем отчаяние: отчаяться — значить возомнить, что ты оставлен Им тоже! Человек, подлинно глубоко заглянувший в самого себя, в итоге услышит глас Божий. Так высшая поэтическая мудрость ведет к религиозному миропостижению, к идее мирового порядка, связанной с представлением о Божественном начале, о жизни за Божьими Заповедями. Многие ли наши современники имеют право называться христианами?

Чтобы точно и ёмко передать дух современного мира в котором люди живут, растрачивая себя в мелких делишках, ничтожных заботах, показать трагедию поколения, сложившегося на разломе эпох, лишённого социальных и нравственных ориентиров, Анатолий Можаровский создал свой стиль, свою форму стиха, ритм и диссонансы, которые многих ошеломляют “непоэтичностью”, но именно эта, разработанная им стихотворная техника позволяет ему исследовать и сделать ощутимым для всех глубоко затаенный душевный надлом людей нашего сегодняшнего безвременья, для которых больше не существует никаких иллюзий, да собственно и надежды хотя бы на что либо — лучшую жизнь, какую-никакую работу, любовь и понимание близких. Намеренно уходя от традиционных форм стихосложения, Анатолий Можаровский хочет подчеркнуть, что настоящая поэзия не создается в формах двадцатилетней давности: если поэт пишет в старой манере, он черпает из устаревшей жизни. Жизнь меняется. Меняется форма и содержание поэзии. Новая поэзия должна быть полностью лишена сентиментальничанья и манерничанья старой, должна отбросить риторическое пустозвонство и показное бунтарство. Она должна быть сильна правдой, отличаться энергией мысли, да и язык должна сменить на более строгий и точный: отбросить красивые прилагательные, притупляющие остроту душевного потрясения. В своё время такую цель преследовал и Томас Стернз Элиот: “Это то самое, к чему я так долго стремился: творить поэзию, которая была бы поэтична по существу своему, без всякой внешней поэтичности, поэзию, обнажённую до костей, настолько прозрачную,

чтобы при чтении мы обращали внимание не на самые стихи, а лишь на то, на что они указывают. Стать выше поэзии, как Бетховен в своих поздних произведениях стремился стать выше музыки.”

Если политики не способны сказать правду, ее говорят поэты. Анатолий Можаровский сумел сказать правду о своей эпохе, не думая о славе, успехе и почестях. Он понимает, что сегодняшняя популярность чаще всего — нехудожественность, и что для настоящего художника, как говорил О.Уальд, публики не существует. Он не сетует, что книги его издаются мизерными тиражами да еще при нынешнем всеобщем нечтении и неуважении к книге. И в этом, наверное, тоже подарок судьбы, а скорее всего — Божье предвидение, милость — отвести от него соблазн испытания славой и популярностью: скольких уже погубила мирская слава... Вообще же это вечная проблема — как уберечь свой Богом данный талант от влияний, от славы, от жажды жизни, от жизни в витрине и под постоянным прицелом тысяч глаз. Для творчества необходимы внутренняя тишина, уединение — только они способствуют вынашиванию идей и их последующей записи, работе фантазии и воображения, без которых невозможно оставаться поэтом. О популярности, страсти к многописанию и печатанию много размышлял и писал в “Дневнике” Лев Толстой, говоря, что это “...есть бедствие. Чтобы избавиться его, надо установить обычай, чтобы позорно было печататься при жизни — только после смерти. Сколько бы осадку село и какая бы пошла чистая вода”.

Поэт Анатолий Можаровский равнодушен к жизненным благам и свободен от власти вещей. Это великий работник, отдавший всепоглощающей страсти творчества. В нем есть черты подлинного воина: ни перед чем не оставляющаяся последовательность и готовность жертвовать собою ради ближнего и своего дела.

Михайло МАЛЮК

Я не хочу жить как все,
и, наверное, это безумно.
Я не хочу плыть по жизни-попсе,
хоть внешне это очень гламурно.
Я не хочу кричать “ура!”
на митингах, где призывают,
я не хочу быть как толпа,
которая все убивает,
я не хочу любви ее
за свои деньги,
я хочу любви
оттого,
что вдруг загорелось сердце.
А белым пухом
снег слетает
с крыш
и тает,
и вороны ждут меня,
кричат,
не понимая,
что у меня свои дела, —
им нужен хлеб с утра.
Роса холодит мои
теплые ноги
в проседи раннего
дня на природе,
и остаются пятна-следы
на траве,
где не ходишь ты.
А роса холодит
и бодрит мое тело.
дух взбодрится тоже
движением крови
и смело
я падаю вниз,
и качаюсь как зверь,
сбивая росу,
приминая траву.

Вот и верь:
о любви к природе
говорил я много,
а смятая трава
и сбитая роса
нарушили покой
с утра.
Скоро осень и зима,
и я выпью холод,
я сопью все морозы
и ветры.
Я уйду в поле, где
без листьев
стоят одиноко деревья.
Эх, мечты
пополам с желаньем!
Эх, любовь,
куда ты
ушла так рано?!
Эх, вино,
я бы пил тебя
заливаясь,
но давно
ты вызываешь во мне
лишь жалость...
Речка и мост...
А, может, мостик?
Лодка плывет,
а в ней лишь гости
на этой Земле
и в мире этом.
Знают они,
или нет,
об этом?
Спуская собаку по следу,
ночью,
менты ищут кого-то
очень.